



# Новая

# новгородская газета

независимое  
издание



1 февраля 2017 г.

№ 5 (909)

# отбитое сердце



**почему  
единственный  
житель  
холмской  
деревни  
не может  
понять свою  
страну**

**Николаю Ивановичу Барканову сегодня, в среду, исполняется 79 лет. Уже больше десятилетия его дом остаётся единственным в деревне, протяжённость которой около трёхсот метров. Жизнь приучила Барканова к постоянной борьбе, но он искренне не понимает - почему страна, на благо которой он работал всю жизнь, стремится забрать у него последнее.**

**Øòàòû ìîã çà, çáíûì íááì**

Каждый день Николая Ивановича похож на предыдущий. С первыми лучами солнца он идёт доить корову, после топит печь в избе и идёт заниматься другими животными. Сейчас в хозяйстве Барканова, помимо коровы, имеется телёнок, лошадь, овцы и куры. Помимо обязательной кормёжки, животные постоянно требуют внимания от хозяина.

стр. 2

Николай Иванович БАРКАНОВ, житель деревни Новички Холмского района

тема номера

## Люди «под воздействием»

Осенью 2013 года член Совета Федерации от Новгородской области Александр Коровников (ныне же он заседает уже в нижней палате парламента, победив прошлой осенью на выборах как кандидат от партии «Единая Россия») оказался в центре скандала: он якобы передал взятку своему другу Александру Михайлику и коллеге, с которым работал ранее в Счётной палате.

Сенатору, естественно, пришлось понервничать, отбиваясь от настырных столичных журналистов, что только разжигало скандал. В провинции же, пославшей его в сенат, Александр Венидиктович давал более спокойный комментарий. Например: «Я был участником оперативно-розыскных мероприятий по просьбе высшего руководства МВД. Эти мероприятия проводились на протяжении 5-7 дней. В них я участвовал вместе с представителями МВД, главного

управления по выявлению экономических преступлений и противодействию коррупции. Действительно, 25 сентября в ходе мероприятия была задержана группа лиц, в их числе Александр Михайлик. Сейчас идёт следствие».

Между тем Михайлик, с которым сенатор вроде бы дружил больше 20 лет, удивлялся его участию в «мероприятии». «Я до сих пор не могу понять, как оперативникам удалось сломать мужественного офицера, прошедшего все «горячие точки», имеющего много орденов и медалей?» - недоумевал расстроенный друг. «Моё мнение - он (Коровников - ред.) находился под воздействием психотропных средств, которые ему дали оперативники. По-другому я не могу объяснить действия достойного человека, моего друга», - говорил Михайлик.

стр. 19

www.shubu.ru  
8(800) 100 63 92  
(звонок бесплатный)



**АКЦИЯ!**  
Шуба из норки с капюшоном,  
длина 110 см, **98 тыс. руб.**

\*Акция действительна с 1 по 5 февраля 2017.  
Подробности - у продавца.

## НОВОТОРЖСКАЯ ЯРМАРКА «За шубой!»

С 1 февраля в КЦ «Диалог» начнет работу Новоторжская ярмарка. Выбор шуб богатый. Размеры — от 42 до 60. Это мужские и женские дубленки, элегантные пальто, эффектные жакеты и манто, теплые длинные шубы. Все из натурального меха. Новинка — меховые шапки. Гарантии. Кредит.

**Сколько стоит шуба:**

Мутон, нутрия, дубленки — от 15 до 55 тыс. руб.  
Мужские шубы и дубленки — от 39 до 149 тыс. руб.  
Меховые жилеты — от 6 тыс. руб.  
Каракуль — от 80 тыс. руб.  
Норковая шуба из цельных шкур — за 69 тыс. руб.  
Норка «ЗИМОС» — от 95 до 350 тыс. руб.  
На Новоторжскую норку — скидка от 20 000 руб.



**Добро пожаловать за шубой!**

1 — 5 февраля 2017, с 10:00 до 19:00  
КЦ «Диалог», 2 этаж  
В. Новгород, Б. Московская 37/9

Кредит. ООО «РусфинансБанк», лиц. ЦБ РФ №1792 от 13.02.2013

# Отбитое сердце

**Стр. 1**  
- Когда молодой был, то животные у меня было побольше, - медленно поглаживает Николай Иванович стоящую в загоне лошадь.  
- Сейчас уже силы не те.

Меня хватает только на этих, - окладывает он руками свой небольшой двор.

У забора диким лаем заливаются крупная дворняга с добрыми глазами по кличке Малыш.

Жизнь крестьянская - жизнь бок о бок с животными. Отношения складываются по-разному. История этих отношений - у Барканова на лице. Когда Коле Ивановичу было восемь лет, его лягнула лошадь - остался небольшой шрам на подбородке, но злой памяти или страха - не осталось. Внешность человека часто может рассказать вам о роде его занятий. И тут за Барканова говорят его мозолистые руки - большие и крепкие, будто каменные. Руки этого с виду худощавого человека лучше любых слов говорят о том, что вся его жизнь была неизменно связана с тяжёлым физическим трудом - километры выкошенных полей и сотни часов с топором или пилой не могут пройти бесследно.

В деревне без работы остаться в принципе невозможно. Если, конечно, не увлечься поисками зелёного змия на дне бутылки. Каждый день сельский быт подкидывает всё новые и новые задачки - то забор повалился, то сарай сгнил, то в колодце водорослей уже - как в азиатском супе. Зима же ставит перед деревенскими самую трудную задачу: дом обогреть. В феврале прошлого года Барканов запряг в сани лошадь и двинулся в ближайший лес - за дровами. Десять часов работы (с перерывами на отдых) хватило ему, чтобы свалить 16 старых, уже покосившихся, небольших деревьев серой ольхи и две берёзы. Барканов положил их на сани и повёз к дому...

Николай Иванович не спеша раскидывал дровишки у себя во дворе под звёздным небом. Неожиданно его похлопали по плечу.

- Я обращаюсь. Смотри - менты стоят, - вспоминает Барканов. - Я спрашиваю - мужики, что за дела? Они отвечают, мол, незаконно ты, дед, лес рубил. Разрешения у тебя нет, а без него не позволено.

Николай Иванович всегда был искренне уверен, что этот участок в ста метрах от его дома принадлежит к сельскохозяйственным землям, и, по его мнению, он имеет полное право рубить там деревья. В суде Барканову заявили, что земли - федеральные, а сельскохозяйственными не были никогда. Но у него на руках имеется карта, на которой эта земля числится как сельскохозяйственная с подписью восьми экспертов.

Участок, где от топора пенсионера пало несколько деревьев, числится как квартал, выдел и защитная полоса, поэтому рубить там было запрещено всегда. Суд постановил оштрафовать Николая Ивановича на 10 тысяч рублей, а также взыскать с него компенсацию в размере 35 235 рублей.

Кстати, ещё недавно коров у Барканова было две. Но вторую пришлось после суда продать: с пенсии не расплатиться.

- Какая защитная полоса? Вы чего? - хрипит, разводя руками, Барканов в большой комнате своего дома. За его спиной красуется аккуратно наряженная новогодняя ёлка, на столе журнал «Новый мир» ещё советского времени. - Да всю жизнь в эти леса ходили мужики из соседних деревень заготавливать дрова. Пятнадцать или двадцать лет назад сюда даже из Холма за дровами приезжали. И траву нашу летом косили для себя. И никто

не возмущался - всегда наши предки так жили, никому ни для кого не жалко было. А сейчас они просто решили меня затравить...

- Кто они?  
- Люди из лесничества.  
- А что случилось-то?  
- Ой, - вздыхает Николай Иванович, - это очень долгая история. Но я вам её расскажу.

- Дед наш зубастый, вот и хочет всем правду доказать, - кричит из кухни жена Барканова Лидия Алексеевна. И немножко посмеивается.

Рядом с нами на полу разлёгся толстый лохмёный кот и собрался внимательно слушать. Хотя он эту историю, наверно, слышал тысячу раз.

## Çàïãõ ããðè

Николай Иванович решительно готов идти на тот злополучный участок, где чуть менее года назад рубил деревья. Единственное, что вызывает у него опасения, судя по пристальному взгляду - это мои кеды.

- В такой обуви туда нельзя, промокнешь весь, - предостерегает Барканов.

- Да ладно уж...  
- Никакого ладно, жди здесь, - командует он и быстрым рывком скрывается в доме.

Стою смиренно, никого не трогаю. Николай Иванович приносит здоровенные валенки.

- На, - говорит, - надевай. С такими не пропадёшь.

И правда. О холоде Барканов знает не понаслышке. После трёх лет армии в 60-е его завербовали на строительство ГЭС в сибирском городе Братск. Больше десяти лет своей молодой жизни он отдал этому предприятию, занимаясь строительством восьмизатяжных бетонных панелек.

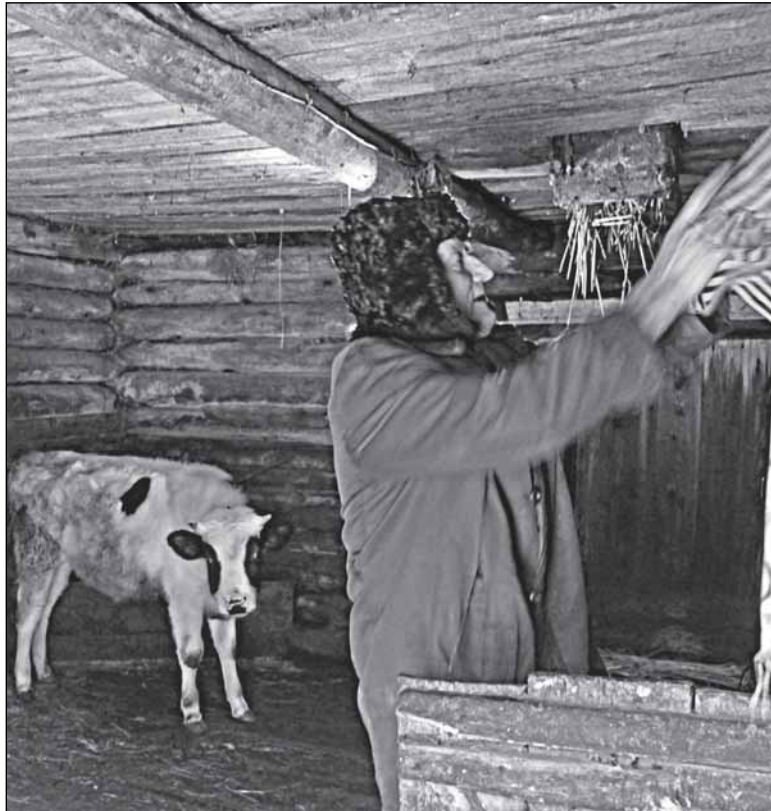
- Бывало, идёшь на работу, дальше, чем на два метра, ничего не видно - туман сплошной. На улице - минус 53 и от дыхания льдинки звенят, - рассказывает Николай Иванович. - Но ничего, наше дело молодое было, - вздыхает он. - Вертелись, крутились. Иногда прощёшься, выглянешь из палатки - а мы тогда в палатках жили - и думаешь: «Господи, как же красиво». А потом шли на объект и по дороге видели, как строятся большие и красивые коттеджи. Для партийных чиновников. А Братск ведь тогда был окупан лагерями. На дворе 59-й год, все расконвоированные тянулись туда. И вот - наша плотницкая бригада демобилизованных тащила листовничный брус по трапу на второй этаж, а зэки, худые и измождённые, его в дело пускают.

- Да уж, весёлое строительство...

- А в семидесятом году, - Барканов переходит на шёпот и говорит значительно медленнее, - сынишку моего в Братске током убило... Первенца... Старшие отвели

на стройку... Взял в руки электрод... 600 вольт... - пауза. - Из морга я вышел совершенно другим человеком.

Начальство Барканова заметило. Были командировки в Москву, работа бригадиром. Его бригада, говорит, была лучшей на объекте. Даже квартиру предлагали в столице, но Николай Иванович отказался.



За хозяйством

ся. Вернулся в Братск - и сдавал по крупному объекту в год и восемь маленьких в придачу. На всю страну гремит Олимпиада-80 - а в Сибири в магазинах кроме хлеба и кальмара нет ничего. Тогда-то Барканова и потянуло в родные места. Захотелось осесть на той земле, которую возделывали несколько поколений предков. За спиной уже был строительно-технологический институт и северный стаж. На жизнь, короче, хватало. Но Барканов тогда и думать не мог, что страны, ради которой он надрывал спину на масштабных стройках, скоро не станет.

- И в 93-м Госдума издаёт указ об урезании 10% северных выплат. Ну, думаю, всё - приехали, - улыбаясь, рассказывает пенсионер. - Ведь в 91-м у колхозников, по сути, отобрали всю землю - косить было негде, ничего не осталось. Ни ферм, ни самого колхоза. Холмские всё к рукам прибрали. А я на всё это смотреть не мог, у меня вот тут болело, - показывает на сердце. - И я решил идти в депутаты.

Политических стратегий у Барканова тогда было ровно две - говорить и требовать. Общался он пре-

имущественно с односельчанами. Убедил их, что дальше так жить нельзя и вопрос с колхозной землёй надо скорей решать, ведь без земли все деревенские с голоду слягут. Требовать же предпочитал с властей, так как их считал виноватыми в развале деревни. Различные пле-



Последний жилой дом в Новичках

администрацию за положенной по закону компенсацией, - говорит Николай Иванович. - В магазинах ценники миллионные, а в законе прописана выплата на восстановление жилья в размере 9 800 рублей.

Барканов говорит, что сначала не поверил в такое формальное отношение государства к своим гражданам и долго всматривался в эту цифру, пытаясь увидеть там дополнительные нули. Но тщетно.

- И знаете, на что мне хватило этих денег? - улыбаясь, спрашивает Николай Иванович. Только улыбка эта какая-то невеселая. - На полвину велосипеда, на котором я потом ездил очень и очень долго.

И в этой истории двухколёсный транспорт играет не последнюю роль.

## Àëÿ Ì ðãããèè ñèðãããã

Единственный дом в Новичках теперь - это дом Барканова. Остальные либо сгорели, либо развалились после смерти хозяев. Зато оставшийся - по сравнению с заброшенными теремками в соседних Наволоке и Каменке - просто образец добротного и крепкого деревенского хозяйства.

За этим домом виднеется ело-

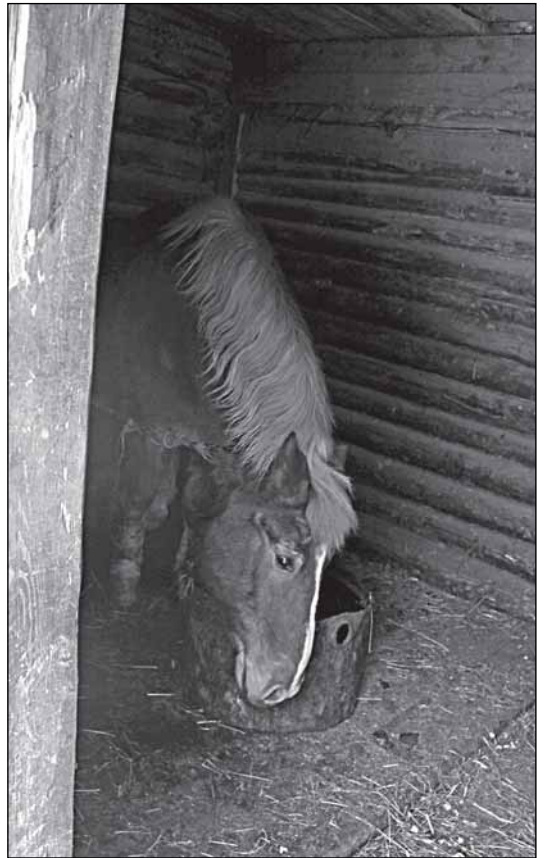
нумы, советы и прочие депутатские сборы дали свой результат - ведь за Николаем Ивановичем стояло реальное народное недовольство. Землю бывшим колхозникам вернули в пользование. Довольно Барканов отложил депутатские полномочия и снова занялся крестьянской работой.

- И вот проходит совсем немного времени, - вспоминает Николай Иванович, - я сижу вечером дома, разбираю прессу. Мне тогда только пришёл «Московский комсомолец» и «Литературная газета». Я их ещё с Сибири выпишу и до переезда сюда уже оформил подписку на это место. Сажу, читаю. Все в доме спят. И вдруг чувствую запах гари. Я вышел на улицу посмотреть и вижу - горим. Я всех быстро разбудил, документы собрал. Вся семья выбежала на улицу. Дом пытался потушить, но не смогли, - в голосе Барканова слышатся всхлипы. - Я до сих пор уверен, что нас тогда подожгли.

Тот запах гари Барканову до сих пор чудится в его беспоконных снах.

Чувство страха и неуверенности в завтрашнем дне охватило тогда не только Баркановых, но и всех жителей Новичков. Тогда в деревне жило около 15 семей, и все они не смогли позволить себе бросить соседей в беде. Кто помог одеждой, кто еду приносил, кто-то позвать пусквал. А деньги тогда, по словам Барканова, уже начали считать миллионными.

- Я пришёл в холмскую



«Подельник браконьера»

вый лес, который очень нравится Николаю Барканову. Сейчас у Николая Ивановича есть автомобиль. Но те времена, когда можно было неспешно ехать на велосипеде по пустой дороге и любоваться лесным очарованием, Барканов и сейчас вспоминает с теплом. Лишь раз во время такой поездки его серьёзно обдало холодом - когда в 2004 году он увидел две огромные грузовые машины, которые вывозят дорогие сердцу ёлки из любимого леса.

- Я подъезжаю, - вспоминает Барканов. - Хорошо, что у них тогда был перекур. Поздоровался. Спрашиваю: «Мужики, а куда это вы столько леса везёте и для чего?». Они отвечают: «А тебе, дед, чего? Самый умный тут, что ли?». Я им и говорю, что с малых ногтей, можно сказать, строитель, что жизнь помогала. Они выслушали, мы как-то нашли общий язык. Ну и говорят: мол, лес в Норвегию повезут. Там наши металл и нефть не пользуются популярностью, а лес - скупают



Лидия Алексеевна

